

ГЛАВА 11. ИДЕОЛОГИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Н.А.Косолапов

С переходом к постсоветской системе международных отношений возникло новое качество идеологизации последних. На протяжении XX века взаимосвязь идеологии с мировой политикой и международными отношениями оказалась отождествленной с противоборством религии и атеизма, либерализма и коммунизма, буржуазной представительской демократии и диктатуры от имени народа (в важном отличии от более ранних, монархически-диктаторских форм), рынка и плана, Запада и Востока, США и СССР. Распад Советского Союза, который во всех перечисленных дихотомиях связывался со второй, «модернистской» их частью, породил иллюзию, будто идеологическая борьба завершена, а идеология уходит (или даже уже ушла) из международных отношений, глобализирующихся и все более принимающих «конфликтоборческое» и экономическое содержание.

Конечно, ничего подобного не происходит и быть не может. Не только потому, что Запад не отказывается от его идеологии на том лишь основании, что СССР больше нет и «коммунизм потерпел полный крах»; напротив, подчеркивается (и справедливо), что ценности и идеалы Запада стали важным фактором его победы в «холодной войне» и соревновании с советской моделью. Но и потому, что идеология не тождественна коммунистическому учению. Она как явление возникла на тысячи лет раньше коммунизма; ее функции в обществе и мире, в историческом, духовном процессах и познании не ограничиваются продвижением и обслуживанием коммунистического учения; и погибнет идеология как явление (если такое вообще возможно) вне всякой связи с идеями коммунизма как такового.

На смену идеологической борьбе либерализма и коммунизма, во многом опиравшейся на военно-политическое и военно-экономическое противоборство США и СССР и питавшейся этим противоборством, идет господство идеологии политического и экономического либерализма, производное от доминирования в мире западной модели экономики и (в меньшей степени) политического устройства, питаемое ролью США в западной системе и мире в целом, неразрывно связанное с ходом и содержанием процессов глобализации. Однако идеологический пейзаж мира в начале третьего тысячелетия многомерен и не сводим ни к одному лишь либерализму, ни к политическим идеологиям как таковым — религиозные, а также социокультурные и неполитические формы и проявления идеологии начинают играть в нем все большую роль.

Международные отношения предстоящих десятилетий, особенно в обстановке интенсивной глобализации и трансформации части прежних международных и межгосударственных отношений в принципиально новые — внутриглобальные, по природе более близкие внутренним, чем международным, — не могут быть и не будут свободны от всего комплекса их идеологических факторов и аспектов. Что это означает для будущих отношений в мире: следует ли готовиться к очередной исторической полосе идеологических войн, или идеологизация может принять иные формы, содержание, выражение? Если история — это прежде всего история идей, а международные отношения, мировое развитие — важнейшие сферы и направления реализации идей и их истории, сложившиеся в идеологических противоборствах прошлого, то усвоена ли и сколь прочно истина, что идеи убить невозможно?

* * *

Верным представляется лишь одно: с распадом СССР и глубокими переменами во всем миропорядке идеологическая борьба в тех формах и содержании, что определяюще повлияли на международные отношения и процессы мирового развития 1920-1980-х гг., более не существует и не вернется ни при каких обстоятельствах, даже если Россия вдруг реставрирует у себя советский тип государства и экономики. Но и в подобном, гипотетическом случае политико-идеологическая неоконфронтация между Россией и Западом вряд ли приняла бы столь же судьбоносные смысл и значение для мирового развития в целом, как это было на протяжении большей части XX в. Однако «выпадение» идеологии из международных отношений — не более чем иллюзия. Конкретная идеология может утрачивать свое значение, отступать на задний план и даже уходить в политическое небытие; но идеология как явление в обозримом будущем неустраима.

Прямолинейно-механистическое видение последствий перемен на этапе их ожидания породило интеллектуально-политическую реакцию двоякого рода. С одной стороны, это тезис о «конце истории»¹, своего рода «наш паровоз уж прилетел, в глобализме остановка»: западная система конкурентного рынка и политической демократии столь убедительно доказала ее возможности и превосходство, что миру не остается иного разумного выбора, кроме как повсеместно ее принять, после чего мир окончательно станет (энтузиасты этого подхода полагают, что уже стал) «глобальной деревней» — единым во всех смыслах, организованным на единых основах сообществом.

Поскольку картина глобального постиндустриального кибуца, как и идея «остановки истории», не всем представлялась достаточно убедительными и во всяком случае близкими к реализации в мире XX века, возникла идея «столкновения цивилизаций»: нового исторического раунда мировых противоборств, в отличие от прошлых не на этноконфессиональной, идеологической или межгосударственной основах,

¹ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N.Y., 1993.

но на почве различий в культуре основных современных цивилизаций¹. Концепция конфликта цивилизаций допускает, как минимум, три ее толкования:

— как некий объективный и весьма долговременный процесс непосредственной взаимной «притирки» цивилизаций, от которого нет возможности, некуда и незачем уходить в условиях глобализации (собственно, духовный смысл глобализации и состоит в формировании социокультурной совместимости цивилизаций на всех уровнях от бытового до этноконфессионального и/или идеологического);

— как столь же объективное прямое, на макросоциальном и историческом уровнях противостояние науко-информо-технического «модернизма» (олицетворением и воплощением которого является Запад) со всеми прочими цивилизациями, не давшими и, по-видимому, не способными дать такой тип социально-экономического развития;

— как осознанное и преднамеренное манипулирование фактом и содержанием межцивилизационных различий, де-факто поощрение, даже стимулирование их конфликта в интересах укрепления позиций Запада и его типа цивилизации в историческом противостоянии разных типов развития социальных культур и экологий (при этом факт подобного манипулирования удобно маскировать объективностью процесса).

Комплекс (не просто совокупность, но именно комплекс) причин и соображений, однако, мешает согласиться не столько даже с этими моделями как таковыми², сколько с самой идеей деидеологизации международных отношений. Победа одной из сторон означает не уход идеологии как явления из международных отношений, но лишь то, что отныне в этих отношениях будет доминировать или господствовать идеология победителя. Именно так всегда происходило в истории, и нет оснований полагать, что на этот раз динамика явления окажется в принципиальной, мироразвивающей ее части иной.

Вызывает сомнения, однако, и сам факт победы. Конечно, СССР как коммунистического эксперимента больше нет. О том, что именно возникло на постсоветском пространстве, можно спорить долго; ясно лишь, что пока это не общество и экономика западного типа — ни в России, ни тем более в других постсоветских государствах, включая Прибалтику. Оставляя эту дискуссию времени, которое одно только здесь беспристрастный судья, недопустимо ни с политической, ни с научной точек зрения игнорировать факт, что каждый пятый землянин живет в «коммунистическом» Китае. Как, чем и когда опыт китайской модернизации социализма завершится, тоже покажет лишь время; но пока коммунизм как эксперимент на Планете продолжается. Кстати, в цивилизационном смысле Западу, особенно

¹ Huntington S. The Clash of Civilizations and the Restructuring of World Order. N.Y., 1996.

² См.: Косолапов Н.А. Межцивилизационные войны: мифы и реальность // Дипломатический ежегодник — 1997. М., 1997.

США, было бы значительно легче пережить победу коммунизма (если таковая произойдет) в КНР, чем в бывшем СССР: за зримо отличающейся цивилизацией, культурой психологически проще признать право на иные принципы организации общественной жизни, чем за обществом, имеющем те же или близкие к ним расовые и этноконфессиональные признаки, что и признающий.

Напомним, что ни в бывшем СССР, ни в нынешнем Китае никогда не пытались выдать фактически построенное общество за коммунизм. Напротив, постоянно подчеркивалось, что общество живет еще при социализме (момент, крайне существенный для рассматриваемой темы; мы еще вернемся к нему в ином контексте), который есть лишь самое раннее, первое приближение к коммунизму. Со стороны США в данном вопросе налицо явное и бесспорное пропагандистское и, что гораздо важнее, сущностное передергивание фактов, что свидетельствует о неуверенности в полноте победы, о стремлении выдать желаемое за действительное. Либерализм торжествует натужно и преждевременно.

Дело в том, что идейно-политическая и практическая эволюция Запада на протяжении XX века, в том числе под влиянием модели и опыта СССР, по-разному воспринимавшихся и оценивавшихся в разные периоды, складывалась в русле идеологии социал-реформизма, в том числе в США. Проводниками ее были как социал-демократы, так и иные политические силы и партии умеренной, центристской части политического спектра. Политика социал-реформизма, не капитализм как таковой, сформировала в конечном счете тот специфический класс — средний, — что придает современному западному обществу самые социально привлекательные его черты. До недавнего времени социал-реформизм рождался в непосредственной политической борьбе с теми или иными национальными вариантами либерализма, но неизменно на фоне коммунизма, что позволяло формулировать проблему как «лучше реформизм, чем революция». Теперь этот фон снят, и либерализм уже перешел в долговременное наступление не только на интересы низших уровней социальной пирамиды (притом и в развитых странах Запада, и в отношениях между ними и развивающимися государствами), но на саму идею социал-реформаторства. Фактически этим создаются первые — но важные — идеологические предпосылки разворота западного мира к политической и социально-экономической реакции. Будут ли эти предпосылки реализованы и в какой мере, покажет время¹.

Подобная перспектива по-новому ставит и проблему «отношений» между представительской демократией и диктатурой от имени народа, а по сути диктатурой охлократии. Фактически то и другое рождено многомиллионной численностью современного общества: демократия в этих условиях может быть только представительской, а

¹ Wallerstein I. Geopolitics and Geoculture. Essays on the Changing World-System. Cambridge; N.Y., 1991.

механизмы ее таковы, что способны приводить к власти охлократию, которая затем без особых затруднений трансформирует демократию в диктатуру. Противостояние либерализма социал-реформизму объективно облегчает приход к власти режима охлократии. А распространение электронных технологий и баз данных столь же объективно открывает возможности для нового тоталитаризма, не знающего равных по масштабам и мощи контроля над личностью. Пока охлократические режимы там, где они возникали и/или существуют, редко испытывали трудности со своим переизбранием (даже без подтасовок и силового давления), если не сталкивались с активным противодействием влиятельных внешних сил. С началом третьего тысячелетия впервые возникает реальный риск появления подлинного и беспрецедентного тоталитаризма, имеющего возможность прийти к власти в итоге свободного демократического волеизъявления народа и править от имени последнего. Вряд ли эта перспектива, если она материализуется, окажется идеологически без последствий для международных отношений (других последствий мы не касаемся). Противостояние демократии тоталитаризму по сути только начинается; но демократия, похоже, этого еще не осознала.

Спор между рынком и планом давно лишился идеологических сути и значения. Современная экономическая мысль и все центристские и умеренные политические силы и партии считают нерегулируемый рынок не просто невозможным, но угрозой для развитого общества. Вопрос лишь в мере регулирования, выборе его форм и методов, содержании его целей. С другой стороны, идея централизованного планирования не то чтобы плоха (целевые долговременные программы доказали их практическую полезность даже в США); она нереализуема по причине отсутствия теории такого рода деятельности. Современность требует не выбора между рынком и планом (нужно то и другое), но прорыва в мышлении и практике за пределы экономического детерминизма, к принципиально новой парадигме наук об обществе и человеке, к иным принципам формирования практики (например, экологическим). И тут идеологически ортодоксальный либерализм вступает в противоречие даже с традиционной практикой таких международных институций, как МВФ. Иными словами, новая идеологизация проблемы «стихийный рынок или направляемое развитие» могла бы угрожать дестабилизацией мировой экономики (разумеется, не за день). А основа для подобной идеологизации есть в виде закрепленной в международных договорах и в деятельности ООН концепции (а по существу новой идеологии) «устойчивого развития», реализация которой требует наращивания мер по регулированию хозяйственной и иной деятельности в каждой из стран и в региональных и глобальных масштабах.

Распад СССР позволяет ретроспективно по-новому посмотреть на былое идеологическое противостояние «Восток-Запад». Прежде всего, «Восток» в этой дихотомии родился на Западе. Идею социализма и коммунистическое учение придумали не в СССР. Они сложились

под влиянием духовной и практической эволюции капитализма — явления в то время сугубо европейского или, шире, еврохристианского. Это прежде всего спор Запада с самим собой — будь социализм явлением чисто российским (или китайским), Запад бы его просто не заметил. Не лишен научного и политического интереса тот факт, что хотя КНР остается, по западной терминологии, «коммунистической страной», о каком-либо идеологическом противоборстве с ней на Западе говорить не принято (хотя противоборство де-факто имеет место).

У идеологического противостояния «Восток-Запад» есть и более широкий исторический и социокультурный контекст. Вопреки широко распространенному убеждению, подразделение на «Запад» и «Восток» относилось не ко всему миру (географически Япония непричислима к Западу, а СССР и Россия не имеют ничего общего с тем культурно-географическим Востоком, под которым обычно понимают, вместе или порознь, мусульманский мир, Индию, страны ЮВА, Китай, Японию), но к еврохристианской его части. Сложилось оно не с появлением СССР и даже не с началом «холодной войны» и ядерной конфронтации, но на пару тысячелетий раньше.

Со времен античности в социальной жизни грядущей Европы возникло и закрепилось рационалистическое сознание, в рамках которого получила развитие дихотомия «личность или общество», так или иначе воспроизводившаяся на всех этапах эволюции европейской мысли. Приоритет первому или второму началу в теории и практике в каждом случае влек комплекс органичных, неизбежных выводов и последствий для мировосприятия и мирообъяснения, культуры, этики, способов хозяйствования и управления, для политики, религии, всех сфер и сторон жизни будущей западной цивилизации. В новое и новейшее время спор этот достиг апогея в столкновении либерализма и коммунизма, христианства и атеизма как идеологий, в исторически новом расколе еврохристианской цивилизации на «Восток» и «Запад» (первый такой раскол дало в свое время разделение христианства, еще до его появления в Руси, на западную и восточную ветви).

Вышел или выходит ли сейчас Запад из этого состояния идейной раздвоенности, утверждать трудно. Скорее всего, рационалистическое сознание, основанное в познающей его части на дихотомичности как одном из краеугольных принципов построения сознания в целом, быть не раздвоенным не может. Иной вопрос, политические проявления и следствия подобной раздвоенности: здесь явно произошло некоторое смягчение нравов. Это выражается свершившимся принятием практики государственного регулирования, социальных программ на Западе и относительно недавним, но также свершившимся признанием частной собственности и рыночных методов коммунистами. Конвергенция в хозяйствовании есть факт и далеко зашедший процесс: «социально ориентированная рыночная экономика» — общепризнанная концепция на всех континентах земного шара, а экономика как таковая диктует единые законы, «технологии», зависящие

от уровня развития страны, а не от идеологических пристрастий. Распространение образования и наук толкают к признанию, что во всех практических случаях противопоставление «или..., или...» рациональнее заменять на компромиссно-диалектическое «и..., и...». Три ветви христианства (западные католическая и протестантская, восточная православная) не примирились окончательно, но и не враждуют с былыми страстью и ожесточением, не настраивают друг против друга паству, идут на диалог. Атеизм более не воинствует, даже коммунисты допускают в свои ряды верующих; социально-экономические идеи папских энциклик малоотличимы от позиций социал-демократии. Глубокие расхождения между названными идеологическими системами остаются; но они уже не раскалывают Европу и весь еврохристианский мир на непримиримо враждующие группировки¹.

В любом случае, однако, проблема идеологических различий, а следовательно, возможности противостояний на этой почве, не снята. Сохраняется, как отмечено выше, хотя и принимает иное содержание, внутренняя идейно-политическая раздвоенность Запада (интересны в этом смысле бурные протесты против глобализации, происходящие на фоне социально-экономической стабильности и благополучия наиболее развитой части мира). Но главная, центральная из всех происшедших в мире идеологических перемен в том, что исторически сложившееся жесткое идейно-политическое размежевание внутри еврохристианской цивилизации внешне утрачивает международно-политическую остроту и актуальность, освобождая духовное и политическое пространство все более зримому объективному противостоянию западной части этой цивилизации и остального мира.

Это противостояние редко принимает пока (но эпизодически все же принимает) четкие, политически выраженные формы. «Смазано» пока и его идеологическое выражение, прежде всего в силу религиозного, в целом — духовного, разнообразия современного мира. Наконец, Запад выдвиганием требований прав человека и политической корректности многое и успешно делает для предотвращения перехода объективных конфликтов интересов в идеологические противостояния и войны. Но, признавая разумность и пока эффективность этих подходов, нельзя не видеть того, что различия между западной и остальными частями современного мира имеют не только и не столько социокультурный и идеологический (что само по себе важно), как социоэкономический и расово-этнический характер.

Мы в данном случае не прогнозируем неизбежность какой-либо «идеологической войны» между Западом и остальным миром (в таком, прямолинейном смысле она теоретически допустима, но практически вообще вряд ли возможна). И тем более не живем в сладост-

¹ В российской печати неоднократно упоминались в 2000 г. итоги социо-логического исследования, показавшего, что практические жизненные установки наиболее активной части русского (именно русского, а не российского) населения по их содержанию ближе всего к этике и психологии протестантизма.

растном ожидании неприятностей и проблем для Запада. Мы просто пытаемся показать, что исключать идеологический фактор из международных отношений явно преждевременно, в том числе и по этой причине. Но только объективным разделом человечества на «золотой миллиард» по преимуществу белых людей и пять миллиардов в разной мере не очень благополучных или очень неблагополучных прочих жителей Планеты проблема роли будущих идеологических факторов не завершается.

Цивилизации (если гипотетически допускать их столкновение по С.Хантингтону или по иному сценарию) различаются не только расой, этносом, экзотикой и экономическими потенциалами, но и спецификой мировосприятия, миропонимания; конфессиями, всем духовным миром. А это различия в решающей степени суть идеологические. В прошлом религиозные войны являлись значимой, в отдельные периоды главной, составной частью международных отношений. Не исчезли они как явление и в XX столетии, сохраняясь в традиционном их виде и в новых формах вроде идеологической борьбы, психологической войны (сочетание того и другого было характерно для «холодной войны»). «Столкновение цивилизаций» (если мыслить в рамках этой концепции) было бы прежде всего очередным историческим раундом религиозных и идеологических войн, признаки чего уже наблюдаются.

К рубежу XXI века роль религиозного фактора в международных отношениях, мировой политике зримо и опасно возрастает. Как ни относиться к движению «Талибан», к явлениям и понятиям исламского фундаментализма, исламского же экстремизма, ваххабизма, сами эти названия указывают прежде всего на религиозную природу этих и подобных им явлений, а во многом и их международно-политических последствий. Когда заходит речь о славянско-православном братстве русских и сербов, «защите» мусульман в Косово, борьбе за создание независимого мусульманского государства в Чечне и т.п., тем самым вольно или невольно, осознанно или нет, но снова возвращаются в мировую политику (а они когда-нибудь уходили отсюда полностью?), укрепляются, множатся предпосылки новых религиозных конфликтов и войн. Примеры можно продолжить, не в них суть. Однако правомерно ли относить религии к числу идеологий? Ответ на этот теоретически и политически значимый вопрос зависит от определения последних.

* * *

Родоначальник понятия «идеология» известен. Антуан Дестю де Трейси ввел этот термин в 1801 г., имея в виду «учение об идеях». В центре его «Элементов идеологии»¹ стоял вопрос, почему те или иные комплексы идей (притом нередко по их содержанию ложных)

¹ *Tracy A.L.C.D., de. Elements d'Ideologie. Vols. 1-4. Brussels, 1801-1815; 2nd ed., 1826.*

оказывают формирующее воздействие на общество, тогда как многие соседствующие с ними идеи, сами по себе верные, зачастую такого общественного резонанса и влияния не имеют. Время доказало, что А.Д. де Трейси безошибочно идентифицировал центральную проблему теории идеологии: в чем причины интеллектуально-психологической притягательности для современников одних идей, равнодушия к иным, отторжения третьих? Притом совершенно очевидно, что правильность идей, их соответствие критериям научной и просто обывденной логики, имеет — если вообще имеет — десятистепенное значение. В любой идеологии без труда обнаруживается масса идей противоречивых, не подкрепленных опытом, познанием, вразумительными аргументами; идей, не выдерживающих примитивнейшей критической проверки. Тем не менее они не только присутствуют в любой, подчеркнем это, из идеологий, но и до поры (часто на протяжении веков) не мешают видимым образом функционированию последней. Идеи же, признанные наукой, иными секторами общественного сознания своего времени (случай непризнанных гениев мы здесь не рассматриваем), так и остаются невостребованными идеологически (что не всегда мешает их востребованности в других сферах: в науке, общественном мнении, литературе, культуре и т.д.).

Европейская научно-политическая мысль начала XIX столетия не смогла оценить всю, без преувеличения, гениальность постановки проблемы идеологии. «Учение об идеях» было воспринято как теория причин их ложности; понятие «идеология» обрело значение «ложного сознания», «ложного учения». Ни одна из идеологий не является, однако, стопроцентно ложной: будь так, проблема природы идеологии сразу бы резко упрощалась и переформулировалась в иную — причин и механизмов массовых и долговременных заблуждений и иллюзий. К тому же, будь идеологии абсолютно ложными, они бы вероятнее всего быстро исчезли как явление: ведь их практическая и политическая ценность измерялась бы отрицательными величинами. Желаемый итог без посредства идеологии достигался бы увереннее, скорее, проще и дешевле, чем с идеологией. Между тем число известных идеологий возрастает в геометрической прогрессии. Значит, вопреки ложности ряда своих положений (а возможно, именно благодаря ей) идеологии способны выполнять какие-то важные социальные, духовные функции.

Почему же некий «коктейль» истинных и ложных представлений составляется именно так, как он составляется? И почему странная эта смесь оказывается способна десятилетиями и веками выполнять в обществе особые, ничем иным не замещаемые функции; вербовать себе сторонников, нередко готовых идти за свои убеждения на лишения, муки, даже страшную смерть; тогда как ни заведомо ложные, ни для своего времени обоснованные представления в «чистом» виде с теми же функциями не справляются и отдаленно? Убедительных ответов на эти вопросы нет до сих пор; между тем от них зависит понимание природы и сущности идеологии как явления.

Марксизм¹, вызвавший к жизни одну из влиятельнейших в XX веке идеологию, поначалу тоже рассматривал идеологию как ложное сознание, усматривая причину первенства ложных идей по сравнению с истинными в связи идеологии с социальными интересами. Сама по себе эта связь несомненна, особенно у идеологий политических, непосредственно направленных на обоснование и защиту определенных классовых, групповых и прочих социальных интересов. Возникает, однако, логический и практический парадокс: долгое и эффективное служение интересам (любым) предполагает отдачу и требует знаний, опыта, реализма. Иными словами, чем ближе к истине те или иные служащие интересам идеи, тем надежнее обеспечено удовлетворение этих интересов. И, разумеется, наоборот. То есть обслуживаемые интересы должны выступать по отношению к защищающей их идеологии в роли мощного реалистического фильтра, оставляющего в идеологии лишь то, что действительно способно эти интересы обеспечивать. На практике часто наблюдается прямо противоположное: идеология так или иначе подчиняет себе социальные интересы, втискивает их в прокрустово ложе собственных догм, до последнего сопротивляется признанию неудобных для нее фактов и реалий. «Блестящий» пример торжества идеологии над интересами тех, кому она призвана служить (будь то народу или только узкому высшему слою партноменклатуры), дал, как известно, заплативший за это распадом бывший СССР. Нет, служение интересам не главный признак идеологии (но одна из ее важных социальных функций); и это служение ничего не объясняет в природе идеологии как явления.

Вскоре после К.Маркса другой выдающийся немец — М.Вебер² — использовал концепцию идеологии в исследовании того, как влияет религия на становление индивидуализма в общественной психологии, а с ним и капитализма в общественных отношениях. Идеология уже не отождествлялась им только с ложным сознанием; появился «мостик» между идеологией и религией; были высвечены созидательные функции идеологии по отношению к личности и обществу; выявилось, что эти созидательные функции объективно выполняются даже тогда, когда по ее содержанию идеологию можно признать ложной.

Следующий значительный вклад в изучение явления идеологии связывают с именем К.Манхейма³, увидевшего в идеологии метод социального познания. Он фактически первым стал рассматривать идеологию как гигантскую социальную макрогипотезу, стихийно выдвигаемую самим обществом и проходящую проверку не в научных

¹ Маркс К. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3; Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Там же. Т. 21; Ленин В.И. Что делать? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6; Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Там же. Т. 18.

² Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. L., 1930; N.Y., 1958.

³ Mannheim K. Ideology and Utopia. L., 1949.

лабораториях, но в процессе жизни и эволюции самого общества. С таким подходом трудно не согласиться. Тем не менее возникает вопрос, чем идеология в этом ее качестве отличается от множества как более частных, так и более всеобъемлющих гипотез, постоянно возникающих в общественном сознании и так или иначе испытываемых практикой. Познавательная функция идеологии несомненна; но и она производит впечатление не одной из основных характеристик явления идеологии, но, скорее, неизбежно сопутствующего идеологии и ее функционированию побочного результата (как и служение интересам).

В период идеологического противоборства научное исследование идеологии как явления сталкивалось с политическими трудностями, однако не прекратилось ни на Западе, ни на Востоке. Пришедшаяся на 1960-е гг. вспышка исследований «конца идеологий»¹ была во многом (ретроспективно это особенно заметно) очевидным бунтом рационалистического сознания эпохи начинавшейся НТР против того, что представлялось тогда иррационализмом идеологий, рожденных еще в XIX веке или даже ранее, и борьбы этих идеологий между собой, грозившей ввергнуть мир в ядерную войну. По сути бунт этот стал объективно развенчанием мифа о ложности идеологий. Если таковые действительно ложны, то в мире НТР неизбежен их скорый крах, что и прогнозировали сторонники идеи «конца идеологии». Если явление идеологии обнаружит устойчивость, то проблема соотношения в нем истинного и ложного имеет далеко не первостепенное значение и должна быть отставлена в сторону.

Последняя треть XX века стала, без преувеличений, периодом расцвета идеологии как явления современного мирового развития. На эти десятилетия пришелся огромный подъем различных вариантов национализма, сепаратизма, фундаментализма. В коммунистическом движении разразился открытый идеологический конфликт между КПСС и КПК, значимый тем, что обе партии молились одному богу, стояли во многом на одинаковых позициях: если единомышленники сойдутся, то один из них (неважно кто) заведомо неправ. В компартиях Запада возникали свои ереси, главной среди которых стал еврокоммунизм. Идеологизация не обошла стороной и буржуазные партии: на 1970-е и особенно 1980-е гг. приходится становление неоконсерватизма, пришедшего в итоге к власти во всех ведущих государствах Запада. Наконец, уже на рубеже 1990-х гг. распад бывших социалистических стран и СССР повсеместно интерпретируются прежде всего идеологически: как «крах коммунизма» и кризис социалистической идеи. Одновременно резко активизируются духовно и политически религии, прежде всего католицизм, евангелисты и мусульманство. Тезис об идеологии как ложном сознании оказался снят, ему на смену пришла новая волна серьезного научного интереса к явлению идеологии.

¹ Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. N.Y., 1960; и как ответ марксистов: Wiatr J.J. Czy zmierzch ery ideologii? Warszawa, 1966.

Итоги многолетней дискуссии в научной литературе по проблеме идеологии¹ можно, не вдаваясь в полемику, просуммировать в их позитивной части следующим образом:

— идеология в целом признается объективным явлением, а не следствием и/или проявлением исторически преходящих заблуждений, злой воли, попыток намеренного манипулирования и т.п. (хотя в литературе можно встретить все перечисленные оценки);

— идеология есть не просто система взглядов (любая наука и многое иное суть системы взглядов) и не только способ обеспечения социальных интересов (эта задача может эффективнее решаться иными неидеологическими путями и средствами). Идеология — это система взглядов, которая позволяет человеку и обществу ориентироваться в окружающем их физическом и социальном пространствах, притом во всем диапазоне доступного им времени: от прошлого до будущего, от хронологического до исторического;

— идеология есть синтез накопленных к определенному рубежу знаний: практических и научных, универсальных и узкоприкладных, общечеловеческих по сфере их приложения и специфических для данного этноса, социума, общества. Ничто иное, кроме сознания личности, не обеспечивает подобного синтеза знаний;

— однако идеология есть не просто синтез знаний, но такое их сочетание и взаимодополнение, которое направлено на решение вставших в определенный исторический период задач организации, жизни и деятельности. Причем, что очень важно, даже задач, с точки зрения современного рационалистического сознания не очень прагматических, даже иллюзорных и иррациональных;

— отличительная черта идеологии, к которой мы еще вернемся ниже: при выполнении всех перечисленных функций она обращается (в отличие от политических программ, платформ, разного рода планов) к макроуровню социальных явлений и процессов, концентрируясь при этом на самых долговременных и сверхдолговременных (до вечных) их аспектах и проявлениях. В этом смысле идеология действует на самом верхнем для своего времени горизонте представлений, знаний и социального опыта человека, равно как и на верхнем пределе масштабов и содержания стоящих перед ним задач;

¹ Отечественную дискуссию см.: Биккенин Н.Б. Социалистическая идеология. М., 1978; Философские проблемы идеологической борьбы. М., 1978; Яковлев М.В. Идеология. М., 1979. См. также: Май А.В. Модели господствующей идеологии. М., 1997; Согрин В.В. Идеология в американской истории. М., 1995. Из англоязычных работ: Drucker H.M. The Political Uses of Ideology. L., 1975; Feuer L. Ideology and the Ideologists. L., 1975; Lodge G.C. The New American Ideology. N.Y., 1975; Lodge G.C. The American Disease. N.Y., 1984; Lodge G.C., Vogel E. (eds.) Ideology and National Competitiveness: An Analysis of Nine Countries. Boston, 1987; Manning D.J. (ed.) The Form of Ideology. L., 1980; Thompson J.B. Studies in the Theory of Ideology. Berkeley; L.A., 1984.

— организуя определенным образом духовную сферу личности и общества во всех наиболее значимых (или даже просто во всех) ее компонентах, сплавления воедино знания и опыт, вопросы и ответы, проблемы и решения, императивы этики и выживания и многое иное, идеология тем самым создает по отношению к личности и обществу мощную систему социальной мотивации и самоконтроля, заменить которую не в состоянии никакие общественные институты ни врозь, ни совместно (будь то право, полиция, фискальные органы и т.п.);

— в силу перечисленного идеология объективно выполняет крайне важную функцию высшей, психологической легитимации всего, с чем она имеет дело и что «одобряет» в содержательном плане: представлений о мире и месте человека в нем, общественных уклада и устройства, социальных отношений, определенных нравственности и морали, типов поведения и образа жизни и пр.;

— коль скоро идеология освящает некие реалии и идеальные модели как высшие, наилучшие или даже единственно допустимые, она тем самым выступает как долговременный источник волевых импульсов к определенной общественной организации, ее поддержанию, развитию и экспансии, а также к определенным типам личного и социального поведения в рамках этой организации. Человек и общество живут определенным образом потому, что считают это во всех отношениях правильным, справедливым, нравственным, а не потому, что их принуждает к такому образу жизни сила неизбежности, необходимости или власти. Иначе неизбежен конфликт не только между обществом и властью (как непосредственной силой принуждения), но и внутри самого общества, разлад в его духовной сфере с самыми тяжелыми последствиями для его жизне- и конкурентоспособности в мире. Вот почему жизнь без идеологии может сопровождаться благосостоянием, но обычно не дает ни взлетов духа (в культуре, науке, политике), ни веса и авторитета стране на международной арене.

Принципиально значимы те психологические механизмы личности и социума, что вызывают к жизни явление идеологии и поддерживают функционирование конкретных идеологий. В отличие от биологической психики, повинующейся инстинктам (то есть генетически заложенным программам-автоматам), всякое сознание (даже патологическое) суть способность индивида и группы вырабатывать собственные программы поведения сообразно окружающим обстоятельствам. Такая программа есть развернутый во времени и пространстве план определенной последовательности действий. Его составление и выполнение, в чем бы данный план ни заключался, требуют от субъекта способности и умения различать прошлое и будущее, «видеть время». Способность эта и образует центральное и принципиальнейшее различие между психикой человека и животных.

Но у способности жить не только в физическом пространстве, но и во времени (а оба эти умения вместе дают возможность создать пространство социальное, в том числе международное) есть особое психологическое следствие. Суть его в том, что сознание способно

трансформироваться в поведение только при условии, что все части, содержательные компоненты и функциональные компоненты сознания на момент начала действия согласованы между собой и взаимно не противоречивы. Иными словами, человек, группа, общество способны и будут действовать осмысленно, целеустремленно лишь при условии убежденности в собственной правоте. Если такой убежденности нет, то деятельность не начнется или активность будет спонтанной, бессистемной и бесцельной. Принуждение же к деятельности вопреки внутренней убежденности субъекта (особенно долгое и сильное) будет всегда иметь самые тяжелые психические последствия: от неврозов и психических расстройств до слома личности, разрушения психических основ социальности (впрочем, это уже тема особая).

Убежденность в своей правоте достигается сочетанием ответов на возникшие вопросы (в той мере, в какой такие ответы возможны), действием механизмов психологической компенсации и эффектом так называемого ложного сознания. Уникальные роль и функция идеологии как явления заключаются в том, что она обеспечивает способность индивида и общества к долговременной целесообразной деятельности в условиях лавинообразного нарастания вопросов (и значимости этих вопросов), рациональные ответы на которые заведомо не могут быть получены в разумные, совместимые со сроками выполнения возникающих задач и с продолжительностью человеческой жизни, пределы времени. И это не дефект идеологии и не ее претензия на особую миссию, но главная ее функция, прямо и непосредственно обусловленная природой нашего индивидуального и общественного сознания.

Именно поэтому жизнь, общественные отношения без идеологии — иллюзия. Горизонты знаний, социально-исторического опыта людей и масштабы возникающих перед человеком задач непрерывно растут, расширяются, порождая все новые и новые вопросы, способом ответа на которые в реальном, повседневном времени может быть только «Верую!» (не обязательно в Бога, но в ту или иную идею, концепцию или программу, подход и т.п.). Идеологии в наше время создаются уже под долговременные научно-технические проекты, коммерческие начинания, социально-экономические программы. Происходит мощная и всесторонняя идеологизация всех аспектов современной жизни, как внутринациональных, так и международных. По-видимому, настала пора и в международной жизни переходить от религиозных войн прошлого и идеологической борьбы новейшего времени — явлений и процессов предельно опасных, разрушительных — к осознанному использованию идеологического фактора и возможностей идеологического творчества в интересах стабильности, безопасности и развития.

* * *

Идеологии эволюционируют исторически. Если в далеком прошлом темпы их эволюции были, пожалуй, самыми медленными по сравнению с любой иной сферой человеческой деятельности (многие религии дошли до нас почти неизменными, «сменив» за это время не

один этнос, культуру), то в XX веке значимая эволюция идеологии происходила на глазах одного поколения. Различия между конкретными идеологиями определяются тем, в каком соотношении находятся в их содержании три его компонента — знания, опыт и духовные продукты механизмов психической компенсации; к каким именно знаниям, опыту обращается данная идеология (к знаниям научным или практическим; опыту, подтвержденному деятельностью, или же опыту иллюзий, медитаций и т.п.); и на решение каких задач (практических, операционально формулируемых или иллюзорных, выражаемых ценностными суждениями) направлена данная идеология. Естественно, «выбор» определяется не желанием идеологии и идеологов, но объективными историческими условиями жизни и деятельности людей.

Все ныне действующие мировые религии формировались в период, когда науки еще практически не существовали, социальный опыт был предельно ограничен по масштабам и содержанию, а круг задач не выходил за пределы выживания в жесточайших условиях и поддержания с этой целью традиционных, стихийно сложившихся общественных отношений, форм социальной организации, образов жизни (не-мировые религии сложились еще раньше). Мировые религии как идеологии¹ обеспечили прорыв человека из дикости к цивилизации. Сохраняя во многом свое значение и сегодня, они, однако, все чаще оказываются неспособны дать с позиций своего содержательного багажа ответы на все более сложные вызовы современности.

Закономерно, что длившееся тысячи лет накопление знаний, их постепенно нарастающая сайентизация, аккумуляция зафиксированного в материальных достижениях культуры социального опыта, его оценка и осмысление с позиций науки привели к попыткам создания научных идеологий (такowymi на сегодня можно считать марксизм, социал-реформизм и идеологию устойчивого развития). Закономерно и то, что первые попытки должны были завершиться многими неудачами: они предпринимались на базе еще крайне недостаточных научных знаний, но под сильным влиянием «самонадеянности полужайства»; идеологии нового поколения попали на почву традиционных, до-научных психики и сознания, политических институций и культур. Любая идеология, кроме того, является социально-исторической макрогипотезой. Если, однако, по отношению к религии этот факт обычно не осознается, то идеологии, заявившей о своей научности, справедливо предъявляется самый жесткий счет. Но идеология в силу ее природы не может (по крайней мере, исторически пока не могла) жить по законам науки — накопление эмпирики-гипотеза-верификация-теория — она иной жанр.

¹ О проблеме «религия как идеология» см.: *Энгельс Ф.* Бруно Бауэр и первоначальное христианство // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19; *Данэм Б.* Герои и еретики. Политическая история западноевропейской мысли. М., 1967; *Levi-Strauss S.* Structural Anthropology. N.Y., 1963; *Weber M.* The Sociology of Religion. Boston, 1963.

Кажется несомненным, однако, что тенденция сайентизации как конкретных идеологий, так и идеологии как явления будет нарастать (в историческом масштабе времени), но процесс этот пойдет и уже происходит не поступательно, а, скорее, циклически. Периоды мощного зримого наступления науки, рационализма (продиктованные успехами самой науки, ее взрывообразным вкладом в культуру определенного периода и/или полученными с ее помощью практическими итогами) не могут не сменяться фазами откатов¹, причинами которых могут становиться периодические разочарования в науке, а также явления и процессы социального, общественно-психологического характера.

Исторически первым мощным наступлением науки на религиозные идеологии стал атеизм как следствие уверенного становления наук естественных (до их достижений было еще далеко). Ожесточенное и жестокое сопротивление церкви и религии сделали тот ранний атеизм воинствующим (каковым атеизм может и не быть). Пришедшие на конец XX века поражение еврохристианской модели коммунизма в СССР и одновременное разочарование многих в науке (давшей миру ядерное оружие, разрушающие экологию технологии, опасные генетические эксперименты и не решившей пока многих острых проблем) по-своему закономерно ведут к исторически, видимо, достаточно длительному откату атеизма, реставрации духовных и политических позиций и влияния религиозных идеологий. Относительное укрепление одной религии (неважно, какой) стимулирует меры противодействия этому процессу со стороны других; и в итоге значимость религиозного фактора во внутренней жизни многоконфессиональных государств и в международных отношениях возрастает.

Правоммерно утверждать, что поражение советского эксперимента и вызванный им кризис социалистической идеи стимулировали в мире мощнейшую вспышку идеологической и политической реакции, которая не может не иметь долговременных международных последствий. Эта ситуация усугубляется отсутствием в современном мире какой-либо зримой левой альтернативы господствующим ныне доатеистическим идеологическим и политико-идеологическим течениям. Не левацкой (ибо экстремизм не альтернатива, но один из способов психической компенсации, то есть бегства от действительности), но именно левой, принципиальные отличия которой от иных — озабоченность судьбой большинства, никогда не благоденствующего; взгляд далеко вперед, а не под ноги или назад; поиск новых подходов и решений новых, недавно вставших или только прогнозируемых задач.

¹ Идеи цикличности всякого развития (с периодами от 12 до 150 лет) в экономике, мировом развитии, международных отношениях давно дискутируются в науке. См.: *Goldstein J.S. Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age. New Haven; L., 1988; Kumar K. From Post-Industrial to Post-Modern Society. New Theories of the Contemporary World. Oxford (UK); Cambridge (Mass.), 1995; Modelski G. Long Cycles in World Politics. Seattle, 1986.* Из отечественных работ см. труды Н.Д.Кондратьева, академиков Н.Н.Моисеева и Ю.В.Яковца.

Пока процесс стихийен, он опасен, открыт для манипулирования. Стихийное нарастание этноконфессиональных конфликтов возвращает мир в духовную и политическую атмосферу религиозных войн прошлого — опасность чего в полной мере сознают сами мировые конфессии. В прямом, механическом смысле такое возвращение вряд ли возможно. Идейные противоречия между религией и научным мировоззрением не решаются в русле борьбы (тем паче вооруженной) теизма с атеизмом; ни первый (в умеренном его крыле, в отличие от фундаментализмов и экстремизмов разного рода), ни второй к этому и не призывают. Скорее всего, дихотомия «теизм-атеизм» найдет в будущем решение на пути уже давно идущей объективной сциентизации не только опыта и знаний, но всего образа мышления и жизни современного человека, парадоксально сочетающейся с воскрешением элементов язычества. Но рост знаний будет неизбежно увеличивать объективную потребность в гипотезах, которые компенсировали бы «белые пятна» в знании, а также разрывы между наличным знанием и потребностями в нем. Место для веры возрастет многократно; но это будет вероятнее всего вера не в сверхъестественное, но в прогноз, предвидение, предвосхищение — равно как в астрологию, другие научно отбираемые приметы.

В сфере политических идеологий вероятен двуединый процесс. С одной стороны, сложившаяся на исходе XX века, впервые в истории, внутренняя целостность формационных, материально-практических и цивилизационных основы миропорядка, который будет доминировать в международных отношениях большей части первой трети XXI столетия, в значительной мере снимает идеологические водоразделы недавнего прошлого. Все политические силы и партии современности, от самых выраженных консерваторов до коммунистов — это партии испытанного уже статус-кво, вчерашнего социального порядка. При политических различиях между ними, психологически и идеологически они занимают правую часть духовно-политического спектра. Правые настроения и тенденции преобладают сейчас, с разными градациями, во внутренней жизни большинства государств и в международных отношениях.

С другой стороны, на протяжении XX века население Планеты учетверилось. Встали проблемы, прежде просто не существовавшие: обеспечение международной стабильности через мировое развитие; поддержание экологического равновесия Земли; поиск образа жизни, совместимого с несущей способностью Планеты и с конечностью ее невозобновимых ресурсов; интеграция в глобальную целостность социальных и политических культур, по многим их параметрам сильно отличающихся от постиндустриального модернизма. Все это — такой макроуровень проблем, отношений и задач, с каким человечество не встречалось еще 30-40 лет назад. Ответы необходимы, их так или иначе даст будущая новая левая альтернатива, возникновение и мощный выход которой в политику и международную жизнь придутся, видимо, на первую четверть-треть XXI века. Центральными аспек-

тами ее идеологии станут, видимо, сайентистский, но не атеистический характер; обращение к общечеловеческим проблемам первой половины XXI столетия, а не завершение споров эпохи Просвещения; выдвижение демократической альтернативы нынешнему ходу процессов глобализации, дающих основания говорить о наступлении качественно нового этапа колонизации Планеты капитализмом; интеграция в теоретическую часть идеологии положений, объясняющих формационное и цивилизационное многообразие мира, взаимообусловленность всех реально существующих в нем отношений. Такая идеология не сможет быть национально-страновой: по объективно необходимым для нее теоретическим основам, по масштабу подлежащих решению задач и по уровню ее притязаний она может быть только глобалистской.

Давно замечено: в жизни идеологий есть три этапа. На первом, подхваченная исторически восходящими социальными силами и потоками идеология раскрывает перед обществом неизвестные ранее, на порядок более широкие перспективы, мощно стимулирует духовное и практическое творчество. На втором, утвердившись и обретя для себя и своих сторонников достаточно надежную социоисторическую нишу, идеология постепенно все более озабочивается стабильностью осязаемого ею порядка и собственного места в нем, добровольно или в борьбе уступая в итоге приоритетное место светской власти и ее институтам — исповедующим ту же идеологию, но полагающим, что ныне уже нет нужды и оснований содержать ее жрецов на вершине властной пирамиды и материальных жизненных процессов. Наконец, на третьем — идеология, сознавая и видя, что историческая почва все более уходит из-под нее, стремится всеми силами задержать ход перемен, остановить движение мысли, не допустить появления новой идеологии-преемника, подавить ее потенциальных носителей.

Конечно, эти рассуждения — схема. Но трудно отделаться от впечатления, что все без исключения европейские идеологии, от раннего христианства до позднего коммунизма (еврокоммунизм и/или «социализм с человеческим лицом»), уже давно вступили во второй этап своего жизненного цикла. Начало следующей, третьей фазы, скорее всего, и станет периодом и фактором разрыва международных отношений первой трети XXI века с постсоветским миропорядком.